

Краткие ежедневные сводки, как тревожные сигнальные огоньки, обозначали состояние всей системы - по ним можно было определить, в каком месте части системы работали, а в каком начинали сбиваться с ритма. Председатель ежедневно в полном одиночестве внимательно изучал краткие донесения, опытным взглядом, словно острым ножом консервные банки, вскрывал отшлифованные штампы докладов. Однообразный шум осеннего дня, глухо доносившийся с площади, негромкая музыка уличного музыканта, облюбовавшего с недавних пор привокзальный уголок, грохот трамваев не мешали Председателю и никаким образом не вязались с тем, что происходило на нескольких страницах печатного текста. Задержки эшелонов с грузом, рейды отрядов таможенной охраны, задержания наркотиков, утрата имущества, нападения на таможенные посты - за всеми этими пугающими несведущего человека событиями он видел нормальный ритм работающей системы. Система дышала необъятными легкими регионов, прокачивая сквозь артерии дорожных магистралей потоки грузов и пассажиров, иногда сбивала дыхание и несла потери, но быстро восстанавливалась и продолжала мощно пульсировать на всей территории страны.

Сегодня одно из сообщений встревожило Председателя. Происшествия, которые беспокоили его более других, в сводках встречались не часто. Тревога появлялась оттого, что такие происшествия не только наносили урон системе, но и угрожали ему лично. Гибель сотрудников, утрата оружия, должностные преступления. Система поглощала и такие потери, но за ними всегда стоял начальник: не предупредил, не обеспечил, не предусмотрел. В зависимости от тяжести и частоты таких событий, это "не" переходило с одной официальной бумаги на другую и, словно нейтринно, проникало сквозь стены высоких кабинетов - это ОН не предусмотрел.

В сообщении под номером один говорилось, что вчера был арестован начальник одной из таможен: злоупотребление служебным положением. Председатель попытался вспомнить лицо своего подчиненного - и не смог. Далекое и безмолвное, эти люди давно превратились для него в контрольные цифры и показатели: план по доходам выполнен на столько-то, конфисковано товаров на столько-то. Сосредоточившись, он смог бы вспомнить, сколько доходов принесла эта таможня за полугодие, но сейчас это ничего не значило, так же как и то, что он не мог вспомнить лица своего подчиненного: угроза исходила не от действий конкретного человека, а от самого происшествия.

Председатель пригладил выцветшие волосы, словно ветры далеких событий растрепали их, и нажал на аппарате связи кнопку с фамилией начальника управления кадров.

- Читали? Сводку?

- Да. Но он всегда был с кем-то не в ладах, конфликтовал с местными властями, директорами предприятий, и вообще - выбивался из колеи. Его...

- Личное дело мне на стол!

Следующим был заместитель Председателя.

- Да, уже знаю. Надо вмешаться. Я давно знаю этого человека, могу поручиться за него. Там что-то не чисто...

Эти резко противоположные мнения подействовали раздражающе. Арестован руководитель, назначение которого согласовывали все вместе, а теперь один готов откреститься от самого знакомства, а второй, еще не разобравшись, ринуться в драку.

- Вот вы и вмешайтесь! - резко сказал Председатель. - Поезжайте, выясните и доложите!

- Слушаюсь!

Председатель посидел с минуту, прислушиваясь к звукам бродячей скрипки, но слушать ее долго было невозможно - она слишком явно говорила, что все происходящее сейчас в сводке и в жизни - это события мелкие и суетливые, и что это как раз она, скрипка, говорит о самом главном.

Председатель начал нажимать кнопки наугад: начальники управлений, отделов, советники, помощники...

- Заносчивый, все проблемы пытается решать в одиночку.

- Грамотный, волевой, профессионально подготовлен.

- Упрямый, дерзкий...

"Значит, человек непостоянный, - пришел к выводу Председатель, - от таких все и бывает..."

Неслышно вошел помощник, положил на стол папку с документами и негромко напомнил:

- Через пятнадцать минут выезжать.

- Я помню. Пусть принесут чашку кофе.

Потом, в новой машине, ему показалось, что обивка тоже пахнет кофе. Машина на время заменяла кабинет - тот же уют, комфорт, надежность. Он смотрел в окно на медленное течение массы людей, бегущую разноцветную ленту уличных киосков и думал о предстоящем совещании в правительстве. Он умел говорить на совещаниях, знал писанные и неписанные законы, по которым такие совещания проводятся, чувствовал допустимую остроту высказываний и необходимую глубину проникновения в проблему. Но непредсказуемость событий подстерегала всегда, именно поэтому мысли о совещании на некоторое время отодвинули неприятное событие в далекой таможне. Даже встречные прохожие не воспринимались сейчас как нечто одушевленное - они были частью улицы, а он был частью государства и от имени государства мог ухудшить или улучшить их положение. В данном случае, сегодня, он будет выступать за улучшение.

Но прохожие этого не знали, они равнодушно бросали взгляды на одну из многих иномарок с синим фонарем на крыше - в таких машинах передвигались милиция, банкиры, государственные чиновники и обыкновенные бандиты.

В Доме правительства к нему сразу подошел один из помощников вице-премьера.

- Вас просили зайти до начала заседания.

- Да, иду.

Вице-премьер был молод, резок в движениях, свободен в высказываниях и многозначителен в паузах, но все это еще не стало железным характером, не утрамбовалось временем, не было острижено острыми ножницами взлетов и падений. Сейчас вице-премьер был на подъеме и считал, что именно так должен вести себя талантливый молодой и перспективный государственный деятель, пришедший из гущи народа.

- Входите, входите! - широким жестом пригласил гостя хозяин кабинета.

Председатель прошел вперед, но в кресло не сел, потому что вице-премьер в это время встал и приблизился к нему сам. Пожимая руку, остро впился в глаза подчиненного, пытаясь проникнуть в их глубину, извлечь некую главную мысль, но его усилий явно не хватило на это - взгляд получился строгий, важный, но скорее артистичный, легко соскользнувший с голубой поверхности глаз собеседника.

- Я хотел перед заседанием вкратце послушать то, о чем вы будете говорить по повестке дня.

Председатель в две минуты изложил подготовленное выступление, для наглядности показал проблемные пограничные переходы на карте, занимавшей большую часть стены.

- Хорошо, - одобрил вице-премьер, - очень продуманно и четко. И главное - в интересах простых людей. Сегодня мы должны думать прежде всего о них.

Председатель вспомнил поток людей, который пронесся мимо окон его автомобиля, и согласился: их было слишком много, чтобы о них не думать. И тут же подумал: "Почему только сегодня?" Вслух он согласился с вице-премьером и уже повернулся, было, к выходу - время поджимало, но вице-премьер вдруг протянул руку к карте и уперся в нее тонким ухоженным пальцем. Движение было почти произвольным, словно он просто хотел оттолкнуться от стены, но оказалось, что это не так.

- Вот здесь, - сказал вице-премьер, - таможней задержаны товары на огромную сумму. Мне позвонил один товарищ, крупный предприниматель, просил помочь разобраться. Ему кажется, что действия таможни не совсем корректны. Такое может быть? И в любом случае, товар не должен стоять без движения.

Председатель нагнул голову, чтобы прочитать название населенного пункта, давшего имя таможене. Фамилии и лица начальника он не помнил, но во вчерашней сводке сообщалось, что там произошло ЧП - инспектор, следуя на личной машине "Ниссан-Патрол", попал в дорожную аварию и находится в тяжелом состоянии. Откуда у рядового инспектора личная иномарка? Завтра же следует направить туда своих советников по особо важным делам.

- Я разберусь и доложу вам, - сказал Председатель.

Ответной реакции не дождался, выражение лица вице-преьера соответствовало началу беседы: казалось, он уже забыл о своей пустяковой просьбе, и его лоб пересекла неожиданная морщина, словно отражение сорок пятой параллели, на которой находилась проблемная таможня...

Некоторое время Частиков сидел как оглушенный, без движения, без мыслей и без чувств. Словно он вмиг опустился на огромную глубину и там, на дне, замер расплюснутым блином. Какие-то неопределенные звуки или глухо доносились извне, или рождались и умирали у него внутри. Затем он начал медленно всплывать, и дневной свет, наконец, пробился сквозь веки. Приоткрыв их, он увидел окна своего или уплывающего вглубь подсознания чужого, с большой картой на стене, кабинета, желтые кроны тополей и яркое голубое небо за всем этим. В сердце пекло, а лоб в это время покрылся холодной испариной. Ему представлялось, что он грудью упал на горячие угли костра, а лицом в сырую траву. Хотел пошевелиться, но боль внутри словно предупредила - еще рано.

Что-то похожее было с ним много лет назад, в детстве. Тогда среди дворовой шпаны Бумажного переулочка появились новые "игрушки" - подрывные детонаторы. Красивые, бронзовые карандашники с двумя усиками проводов, они притягивали к себе глаза и руки пацанов. Неведомая, молчаливая до поры сила, затаившаяся внутри цилиндров, волновала воображение. Стоило к усикам подсоединить обыкновенную батарейку, как эта сила разрывала металл и огненными брызгами оседала на землю. Получалось легко и изящно: прикапываешь неглубоко в песок детонатор, протягиваешь к нему два проводка и... хлопок! Мини-взрыв, к общему восторгу, рождал в воздухе пыльный букет. Иногда ребята оживляли картину: ставили на заряженное место детскую машинку, и тогда все происходило красиво, как в кино - в пыли и пламени валялась техника, а они сами имитировали стоны раненых, добивая друг друга из деревянного стрелкового оружия.

Но однажды Димка Тулькин поторопился и присоединил батарейку чуть-чуть раньше, как раз в тот момент, когда Частиков заканчивал прикапывать очередной заряд. Взрыв плюнул в лицо песком и пламенем, он поплыл тогда по горячей земле, и ему казалось, что через невидимые воронки заливают в уши розовый звон. Димка прыгал рядом и кричал, стуча себя в грудь, что он не хотел, что все случилось случайно, и Частиков, конечно, ему поверил и простил, хотя свидетели - Вовка Букин, Славка Портов - яростно отрицали это и требовали расправы над Димкой за подлянку. Но все, в конце концов, уладилось и успокоилось. Частиков несколько дней отлежал дома, под причитания матери держа примочки на глазах. А потом они опять минировали пустырь и взрывали, только после всего случившегося по-честному отходили от батарейки на три шага, пока закладывался очередной фугас.

Много лет спустя, иногда вспоминая эти небезопасные забавы, Частиков понял, почему тогда Димка Тулькин поступил именно так. Понял, потому что тулькины в разных вариантах не раз встречались на его пути. Это они, нервно-любопытные, могли, затаившись в укромном уголке, дрожа от страха и предвкушения волнующего животную глубину души зрелища, наблюдать за попавшим в беду товарищем - а что будет дальше? Выкарабкается или нет? А что будет, если одному пьянице Федотычу подпилить костыль, пока он в привычном забытьи греет на солнце свою единственную ногу? А как поведет себя приятель, если сообщить ему о его собственной жене то, чего он единственный не знает? Тогда Димка Тулькин не мог поступить иначе - ему обязательно надо было увидеть, как поведет себя Частиков в объятиях живого взрыва. Завизжит как поросенок или смолчит? И что будет с ним дальше?

Частиков не осознавал, как долго он находился в этом своем состоянии. Судя по тому, что ни разу не оживал всегда беспокойный телефон и никто не толкнул дверь кабинета - недолго. В то же время затухающий розовый звон в ушах создавал ощущение многочасового забытья, а воспоминания детства вообще растягивали боль на годы. Может быть, он уже умирал, и воспоминания - это как

раз то, что должно предшествовать этому событию? А потом должен был появиться черный тоннель - не появился, что-то помешало, и он остался здесь.

Сердце... Еще недавно он и не подозревал, что оно есть у него. Еще вчера в спортзале он жал от груди сто десять, радуясь отступающей боли в мышцах, а сегодня лежит в кресле как тряпка, боясь даже пошевелиться. И спорт здесь оказался ни при чем.

А может быть, во всем виноват этот белый лист бумаги, скорчившийся перед ним на столе? Нет, он никогда не был таким впечатлительным, чтобы от нескольких дружеских строчек потерять сознание.

Ему было позволено выпрямиться в кресле, и он еще посидел с минуту неподвижно, но уже чувствовал, как постепенно возвращаются силы. Медленно поднял руку и распрямил бумагу. Она вырвалась и опять пружинисто сложилась четверо - оказывается, она вовсе не скорчилась, а это была ее боевая стойка. Частиков уложил бумагу на лопатки и дочитал написанное до конца. И несмотря на дремлющую боль внутри, в восхищении пробормотал: "Черт возьми!"

Компра была идеальной. Ни добавить, ни проверить, ни опровергнуть. Совершенная форма. Как шар. Своим совершенством она заставляла верить в себя, нравиться постороннему равнодушному наблюдателю и заставляла в бессилии скрипеть зубами наблюдателя неравнодушного. Здесь наука, искусство и черный опыт слились воедино. Гений мерзкой чистоты.

Ему представлялось: написанные строчки запутанными проводками вели к невидимому детонатору. Кто присоединит батарейку и когда бабахнет? Это было главным. Захотелось бросить все и уйти. Сесть за руль автомобиля, умчаться за город, к молчаливым деревьям и журчащей воде. Возможно, он так бы и сделал, если бы не этот неожиданный приступ. Но эта бумага здесь ни при чем. Плевать он хотел на "писателей"-пиротехников! Частиков понял, что начал оживать. Теперь он мог встать из-за стола и пройти по кабинету. Он остановился у окна и новым, отходящим от болезни взглядом посмотрел на улицу. Она тоже была больна... Еще вчера, когда он в спортзале жал от груди штангу, ему бы и в голову не пришло оценить ее именно так. Но разве не больны два жилых дома напротив, у которых язвы от выпавшей штукатурки кровоточили красным кирпичом? А здоровы ли натужно гудящие, с подорванной иммуно-масляной системой и отхаркивающиеся черным дымом "Икарусы"? Да и здорова ли сама эта дорога с незаживающими шрамами выбоин на теле и вечно разбитыми челюстями бордюра?

Разрисованные трамваи пробежали мимо, рекламируя на своих боках и крышах чужую продукцию и услуги. Словно дети, рано познавшие выгоду хамского поведения, яркие рекламные вывески требовали внимания только к себе, отталкивая соседей более желтой, более красной или более зеленой краской, и каждая вывеска приватизировала свой цвет. Чур, я самая желтая! И поплыли по городу желтые пятна рекламы с одним и тем же категоричным заявлением: "Купить у нас - это класс!" Им вторили, но по-своему, красные: "Товар не купишь краше, чем в магазине нашем!" Частиков машинально отметил, что некоторые фирмы остались существовать только на боках трамваев, но не было денег у трамвайщиков на краску, чтобы размазать банкротства по обшивке, и мир от этого становился искаженным, устаревшим, как прошлогодний рекламный журнал. "Предлагаем круглосуточное обслуживание - вкусно, питательно, дешево! Звоните по телефону..." Но по указанному телефону ответят другие, потому что фирма месяц назад объявила о самоликвидации. Налоги, понимаете ли... Да еще рэкет. "Самые чистые, самые свежие только у нас!" Но все это было уже у других, еще не обломавшихся, да и не такое уж свежее.

Неправдой было и то, что он прочитал несколько минут назад о себе. Если бы это было правдой, он прямо сейчас снял бы мундир, повесил его на спинку стула и навсегда ушел из этого заведения. Или не ушел бы? Что бы он вообще сделал тогда?

Частиков попробовал мысленно опровергнуть лежащее на столе произведение искусства. Он зло прищурился, улица на мгновение исчезла, а кулаки его произвольно сжались. Но опять появился розовый звон в ушах, и он расслабился. С налету не получалось. Все факты и фактики стояли намертво, как кирпичики в стене, прослоенные хорошим цементным раствором, и не поддавались нападению в отдельности. Всю стену, пожалуйста, пробуйте, давите плечом, пинайте, можете поддеть ломиком.

Частиков вздохнул, еще раз оглядел словно впервые увиденную улицу, вернулся к столу и спрятал бумагу в сейф. Она не требовала от него каких-либо действий, ни о чем не просила, не угрожала, а лишь заявляла, что кому-то о Частикове, начальнике местной таможни, известно больше, чем всем остальным. Сейф был надежный, японского производства, с шифром и хитрым ключом, но это не

создавало ни малейшей преграды для невидимых нитей, которые уже плотно опутали письмо, Частикова и незнакомых пока злых людей.

Он сел в кресло и прикрыл глаза. Приступ проходил. Где ты сейчас, Димка Тулькин? Безусловно, ты бы получил шикарное удовольствие от происходящего, выстраивая финальную картину в своей беспокойной голове. А за прошедшие годы, став мастером-созерцателем, ты мог бы и сам сочинить подобное произведение, чтобы насладиться произведенным эффектом.

Кто-то неловко шаркнул подошвами у двери, и Частиков открыл глаза. У входа топтался Левакин, его заместитель, - видимо, в сомнениях: войти или потихоньку исчезнуть.

- Входи, входи, Семен Григорьевич, - поманил Частиков замешкавшегося зама. - Не сплю я. А если и сплю, то будить надо сразу же. Что это за манера - на работе спать!

Левакин поправил очки и прикрыл за собой дверь.

- Так это ничего - обед ведь. Я бы и не стал... Но забыл сообщить, что вас разыскивал губернатор.

- Семен Григорьевич, ты же заместитель начальника! Вот и заместил бы меня на время отсутствия.

Неужели это длилось целый час, с ужасом подумал Частиков, кидая взгляд на часы и отмечая, что обеденный перерыв уже на исходе. Хотя, что такое один час перед шагом в вечность? Интересно, если бы он все-таки въехал в тот обязательный черный тоннель, где бы он сейчас был? Частиков прислушался к своему сердцу. "Так, так-так..." - слухавило оно под часы. Но что-то же там произошло?

- Они ничего не спрашивают, - Левакин мешковато прошел вглубь кабинета и сел в середине длинного ряда стульев у стены. Снял очки, протер их носовым платком и вздохнул. - Требуют только вас.

- А что так вздыхаешь?

- Да проблемы замотали.

- Проблемы? Откуда им взяться в нашем спокойном учреждении?

Частиков встал, еще раз проверяя восстановительную реакцию своего нежного организма, и опять пристроился на любимом месте у окна. Приход Левакина окончательно вернул его к действительности. Чушь! Даже если этот документ попадет к начальству или еще куда-нибудь, ничего ведь не докажешь. "И не опровергнешь", - тут же огрызнулась из сейфа бумага. Это верно, вынужден был признать Частиков, но ведь никто не поверит, что такое возможно со мной. Меня столько лет знают. "Вот ты уже и оправдываешься!" - прямо завопила торжествующе бумага.

- Вчера приятеля одного встретил, - слушал Частиков негромкий унылый голос своего зама, - несколько дней назад он возвращался домой с работы, а возле дома - засада. Подскочили, руки за спину, голову в колени и в машину. Никто и не понял, что произошло.

- Бандиты?

- Да нет, как бы наоборот - сотрудники... - Левакин помолчал, подыскивая слово или сомневаясь, называть ли его, - ... правоохранительных органов. Продержали три дня в изоляторе вместе с уголовниками, потом разобрались - ошибочка вышла.

- Ну и хорошо.

- Да что ж тут хорошего! - вскинулся всегда меланхоличный Левакин. - Три дня! Ни за что ни про что! А потом даже не извинились. Так ведь любого могут...

И Левакин опять снял очки. Опустив их на колени, он забыл, зачем снял, рассеянно спрятав носовой платок в карман. Частиков молча наблюдал за ним. Левакин был неплохим экономистом, даже когда-то почти закончил диссертацию, но рухнула сама экономика, в обломках которой пылинкой исчезла его научная работа. Но таможенником не стал, боится ответственности, за цифрами не видит кипения страстей, которые происходят за стенами кабинета. Неоформившийся ученый, несформировавшийся таможенник. Частиков вдруг подумал: "А что если бы та бумага адресовалась

ему, Левакину?" Он представил себе ситуацию и огорчился. Надо искать ему замену, решил Частиков, для него же будет лучше. Пусть пишет работу про переходный период. Да поторопится, а то и этот период неожиданно закончится.

- Да, - согласился Частиков на рассказ Левакина, - ошибка в наше время может дорого стоить.

- Еще как дорого! - подхватил Левакин. - Вчера опять с одной фирмой схватились: вино или винное сусло? Разница в платежах - десятки миллионов.

- А что экспертиза?

- Экспертиза подтверждает нашу правоту.

- Значит, надо проявить принципиальность, - спокойно сказал Частиков. - Мы ведь с вами кто? Сотрудники правоохранительного органа.

Тяжелый вздох был ответом на это утверждение.

- Опять же, если бы воевать только с одной фирмой, - обиженно продолжал Левакин. - Так нет, обращения отдельных чиновников высокого ранга, депутатов, с настойчивой просьбой разобраться объективно. А за этим "объективно" так и проступает теми же чернилами: "Выпустите! Выпустите!" Дошло до того, что одного нашего начальника поста вызвал к себе начальник местной милиции и устроил разборку. "Ходят, - говорит, - слухи, что ты собираешь с предприятий какую-то пошлину и отправляешь все в Москву. Ты это брось! Живешь с нами в одном городе, пользуешься его благами, а действуешь как вредитель! Если не прекратишь, будут у тебя большие неприятности".

Частиков не рассмеялся, как сделал бы это в другой раз, под хорошее настроение.

- А что ты думаешь - и будут! - серьезно сказал он. - Этот начальник милиции из тех же, что твоего приятеля крутили. Сделает, а потом извиниться забудет. Но ты, Семен Григорьевич, съездил бы в этот город, рассказал бы про госбюджет, про налоги и пошлины.

- Да, да, обязательно, - закивал головой Левакин. - Ну, я пойду. Не забудьте про губернатора.

Сгорбившись, словно неся на закорках свое собственное тело, он прошел по кабинету и исчез за дверью. Все-таки надо искать ему замену, опять подумал Частиков, провожая взглядом нескладную фигуру.

Губернатору Частиков решил пока не звонить - после такого приступа нужен был отдых. Поэтому, дождавшись, когда все системы в его организме договорились друг с другом, пришли к какому-то компромиссу и уравнились, он решил уехать домой.

- Я в администрацию, - невнятно буркнул он Марине-секретарше, в очередной раз удивляясь ее умению подобрать костюм к своим серо-зеленым глазам. Но наивность ее глаз была обманчивой - Частиков точно знал, что она в потайном блокнотике отмечает все его уходы и приходы, а также фамилии посетителей за день. А зачем? Для кого?

- В областную налоговую, - приказал Частиков водителю Сашке, который с достоинством от своего особого положения поднял кудрявую голову над баранкой. Сев на заднее сиденье, Частиков откинул голову назад - она противно начала побаливать. Пестрой лентой потянулись за машиной улицы, его взгляд прыгал по ней, словно теннисный мячик по асфальту, и это отдавалось болью где-то в затылке. Частиков прикрыл глаза.

Ничто не предвещало появления компры. Никого за последнее время не придавили штрафом, не оглушили конфискацией имущества. Во всяком случае, не в такой степени, чтобы дойти до шантажа. Но это явное предупреждение. О чем? О своих тайных помыслах компра молчала. Пока...

За эту неделю произошло лишь одно неприятное событие, но касалось оно лично его. Во вторник у Частикова украли дипломат. Увели прямо в помещении администрации области.

Раздраженный непонятным наездом на него заместителя губернатора, Частиков задержался у газетной стойки при выходе из здания и приставил дипломат к ноге, освобождая руки для просмотра газет. Газеты были как на подбор - все в камуфляже, с автоматами наперевес: клеймили позором, грозили катастрофами, пугали переворотами. Рядом с Частиковым стояли такие же чинуши, как и

он, и словно опытные саперы выискивали заложенные в названиях мины. Когда Частиков оторвался от просмотра и протянул руку к дипломату, его не оказалось на месте. Это было необычно, неожиданно. В этом здании могли незаметно увести из бюджета пару-другую миллионов долларов, но не полупустой дипломат. Частиков несколько секунд соображал, а был ли дипломат вообще? Затем он кинулся к выходу, но, естественно, никого не догнал. Возле подъезда то и дело останавливались новенькие иномарки, из которых выходили такие же блестящие чиновники, и заподозрить кого-либо было невозможно. Они с Сашкой еще с полчаса наблюдали из машины за входом в здание в надежде, что похититель, если он спрятался внутри, успокоится и выйдет на улицу. Но все было напрасно. С тех пор Частиков, едва выпадала свободная минута, возвращался к этой утрате и мысленно прокручивал содержимое дипломата. Записная книжка, папка с бумагами, газета "Коммерсанта", портмоне с небольшой суммой денег и его визитками. Помимо того, что было просто жаль почти нового кожаного дипломата, его постоянно еще что-то тревожило в этом событии. Все время казалось, что о каком-то очень важном предмете он никак не может вспомнить и что в этом предмете все и дело. Стоило на минуту отвлечься, как в голове опять закручивалось: портмоне, записная книжка, папка, газета. Журнал, портмоне, папка...

- Что? - очнулся Частиков от голоса Сашки.

- Областная налоговая, - повторил водитель.

- Хорошо. Тогда договоримся так: поскольку вопросов у меня здесь много, я пробуду здесь до конца рабочего дня, а потом пешочком дойду до дома.

- Николай Петрович возражает, - покачал головой Сашка.

- Ничего, ничего, мы ему не скажем. Сашка-водитель был послушным парнем. Он молча кивнул кудрявой головой и рванул с места. Частиков некоторое время смотрел вслед "Волге" и вдруг вспомнил, что Сашка недавно заменил в машине автомагнитола. А зачем? Старая неплохо работала.

Частиков сунул руки в карманы плаща и прошел мимо дверей налоговой инспекции. Вопросов здесь у него не было. Он вдруг ощутил, как давно не ходил по улице в рабочее время просто так, не спеша ни к кому на деловую встречу или совещание. И не потому, что против этого возражает Николай Петрович - начальник отдела охраны, встревоженный последним случаем: попыткой заброса в окно начальника таможни учебной гранаты, а потому, что всегда некогда, некогда - с работы домой, из дома на работу... А так хочется просто пройтись, долго и медленно, не поглядывая на часы.

Жильцы дома еще не возвращались с работы, и двор был безлюден. Лишь несколько ребятишек возились в песке, да дворник короткими неловкими взмахами метлы чистил дорожку от подъезда. Он был слишком молод для профессионального дворника и, видимо, только осваивал новое дело. Вчера его не было, машинально отметил Частиков, когда тот приостановил движение своего рабочего инструмента, пропуская Частикова и выходящую из подъезда ему навстречу соседку-пенсионерку.

- Все дворники метут рано утром, а этот под конец рабочего дня, - недовольно пробормотала женщина, и Частиков мысленно с ней согласился, переступая через небольшую кучку мусора.

Он приостановился у почтовых ящиков, открыл свой и достал корреспонденцию: несколько газет, журнал и письмо. От сына. Один раз в десять дней тот четко докладывал о своих делах. И ни слова о матери. Это, конечно, было ее требование. Она ничего не хотела знать о делах Частикова и не желала, чтобы он хоть что-нибудь знал о ней.

Частиков вошел в свою с недавних пор холостяцкую квартиру и по тому, как привычно попал ногами в тапки, которые не сдвинулись за весь день с места, как нежно встретила его тишина, понял, что начинает привыкать к своему новому состоянию. К лучшему ли это? Готовя нехитрый ужин, он задумался именно об этом.

В тот последний вечер он пришел с работы немного позже. Раздеваясь в прихожей, принюхался к острому запаху специй, идущему из кухни.

- Что, проняло? - уловила его реакцию жена. - Ямомото-сан принес. Вернее, от него прислали.

- Какой Ямомото? Что прислали? - насторожился Частиков. - Таня, сколько раз я просил ни от кого никаких приветов не принимать! Когда ты поймешь, наконец? Где Вовка?

- Телевизор смотрит, - знакомая готовность к ответной вспышке послышалась в ее голосе.

- Ладно, пусть смотрит, - сразу остыл Частиков и ушел в ванную.

"Ямомото", конечно, из какого-нибудь совместного предприятия, обдавая лицо и тело холодной водой, недовольно думал Частиков. Принесли помощники: "Мы ничего не знаем, нам поручили мы передать". "Ах, спасибо, ах, какая прелесть" - это он уже от имени супруги. Тьфу!

- Таня, - входя в кухню и с трудом сдерживая раздражение, сказал Частиков, - никогда не открывай двери незнакомым людям. Даже если они скажут, что я просил передать тебе бриллиантовые сережки. О кей?

- А что? - Ее явный холодок был ответом на его раздражение. Или на что-то другое, что должно было, судя по интонации, скоро проясниться.

- Ну, потому что всякий нынче народ бродит по улице.

- Это были очень интеллигентные люди.

- Нынче, - настаивал на своем Частиков, - многое выглядит не так, как называется. Называется водка, а там ацетон. Называется интеллигент, а он бандит.

Неизвестно было, согласилась ли она с ним, только продолжать разговор об этом жена не захотела.

- Ешь, это очень вкусно. Мы уже попробовали, и если бы ты не задержался, то попробовали бы все вместе.

Частиков отведал незнакомого блюда и согласился:

- Вкусно. Но все равно - смотри параграф первый: "Никогда не открывай двери незнакомым людям".

Она некоторое время с интересом наблюдала за тем, как он ест, но, догадавшись по отрешенному выражению его лица, что он уже забыл о еде, с напряжением в голосе сказала:

- Звонили перед твоим приходом.

- Кто?

- Так, - неопределенно пожала плечами супруга, - какая-то женщина.

- С работы?

Догадавшись, когда Частиков, удивленный ее долгим молчанием, поднимет голову, она ответила:

- Из ресторана.

- Почему ты так решила? Японцы подарили тебе видеотелефон?

- Она сама сказала. Удивилась, что ты не пришел в назначенное время.

Частиков аккуратно выскреб тарелку, налил в чашку чаю и кинул в нее кружок лимона. Слишком грубо, размышлял он, глядя в солнечный пятчок, кто может поверить в явную ложь? Хотя (он покосился на жену) еще как сказать...

Частиков выловил кружок лимона и не морщась разжевал его.

- Спасибо, - вставая, сказал он, - действительно кухня от Ямомото прекрасная. Только я не знаю никакого Ямомото.

- А женщину из ресторана?

Как эмоции меняют лицо человека! Как исказилось в злости красивое лицо женщины, которую он любит. Или любил? Почти мужские желваки ходили на скулах, которые он называл щечками. А глаза! Он никогда не видел таких ее глаз. Кого они защищают? Его? Или ее уязвленную гордость?

- Женщину тем более. Поэтому рекомендую больше не принимать подарков из чужих рук, а у телефонных доброжелателей спрашивать фамилию и место работы.

- Они все тебя прекрасно знают!

- Разумеется, - усмехнулся Частиков, - и не только меня, но и тебя, и Володьку, и еще массу мелочей о нас вместе. Так, про запас, на всякий случай.

- Подожди, - удержала она его. - Вот смотри, - она вытащила из кармана халатика крохотный блокнот, - здесь помечены все твои задержки на работе. Многие из них мне удалось проверить, ты действительно бывал в ресторанах.

- Кто же помог тебе в этом разобраться? (Господи, и тут блокнот!) Я несколько раз встречал и провожал гостей. Это был, как правило, обычный ужин перед отъездом и не более того.

Частиков нечаянно коснулся рукой чайника и отпрянул - он кипел, выдавливая пар из-под крышки. В месте прикосновения резко жгло, и от этого раздражение нахлынуло новой волной.

- У тебя есть замы, начальники отделов, они что, не могут проводить, поднести чемоданчик?

Частиков подумал, что еще месяц назад она бы кинулась к обожженной руке, захлопотала бы, заохала... Неужели все рано или поздно кончается? Или не начиналось?

- Некоторые чемоданчики, - угрюмо заметил он, - могу подносить только я.

- Да, да! - сильнее чайника кипятилась жена. - Так же как и некоторые рестораны можешь посещать только ты, а некоторые сауны открыты только для тебя! Вот что такое ты сегодня!

На нехитрый ужин много времени не ушло. Частиков заварил зеленый жасминовый чай, добавил в него шведской горечи и уселся в кресло-качалку. С удовольствием отхлебнул ароматной жидкости и поставил чашку на журнальный столик, один из напитков, который пил только он. Закрыв глаза, оттолкнулся от пола. Еще одна зарождающаяся холостяцкая привычка - качаясь в кресле, прогонять мысленно прошедший день. Про компру пока можно забыть. Как появилась неожиданно, так снова и проявится в нужное время. Об этом позаботятся авторы-"лауреаты". Вызов к губернатору скорее всего связан с делом "Атлантиды". Фирма как фирма: соответствуя своему названию, почти полностью находится под водой, на поверхности лишь ее президент - Антон Яковлевич Морозич, и одновременно, так сказать, по независящим от него причинам - сын губернатора. Нарушение, которое фирма допустила, не такое уж серьезное по нынешним временам: отправили за рубеж одно, в документах записали другое. Можно было бы и пожуричь, ограничиться предупреждением. Только вот не в первый раз это, да и сумма... А инспектору, который составлял протокол, как объяснить политическую обстановку - он ведь прав! И я прав. И губернатор прав, интересуясь делами сына. Но и крупный предприниматель в области китайского бартера А. В. Морозич тоже прав! Потому что по-другому вывезти сложно. Чего стоит дойти до столицы, найти нужного чиновника, суметь доказать ему, что твой контракт усиливает экономическую мощь страны, способствует развитию рыночных отношений. Но едва ты это сделаешь, как правила игры изменятся и надо будет опять идти по тому же кругу.

И все это каким-то образом связано: компра, украденный дипломат, вызов к губернатору и что-то еще... Какие-то отдельные номера, отдельные женщины, отдельный таможенный пост.

Корреспонденция на этот раз осталась не читанной, чай недопитым, а сон мимолетным и тревожным.